

КОНЦЕПТ *СВАДЬБА* В РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ*

Н.В. Новоспасская, Милина Николич

Кафедра общего и русского языкознания
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье приведен обзор свадебной коммуникации в сербском и русском языках и лингвокультурах на аксиологическом, символическом, организационном, деятельностном уровнях. Общность религии, истории, близкое родство являются основой общих черт при наличии расхождений по каждому из исследуемых аспектов.

Ключевые слова: концепт, лингвокультурология, аксиология, обряд.

В конце XX в. одним из основных направлений исследования в языкознании становится описание концептосфер языков и отдельных концептов в их составе; проблемой работ такого рода является вопрос о том, что стоит в сознании носителей языков за номинацией концепта, какие лексические единицы его описывают, каковы особенности их функционирования.

Особенностью подобных научных работ следует считать и их динамический характер, под которым понимается междуровневый подход к описанию явления: «...каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [1. С. 11], связь с исследованиями культур этносов, в которых наиболее значимыми представляются такие взаимосвязанные направления, как символическое, организационное, аксиологическое, деятельностное. *Символические* исследование, изучающее первичные преставление о мире и верованиях этноса, реализующиеся в образе его жизни, — предмет изучения *организационного* направления. Система ценностей народа — *аксиологический аспект* — и уклад жизни этноса находят свое выражение в разнообразии форм поведения и способах деятельности членов этнической группы, что изучается в рамках *деятельностного* направления.

В основу русского и сербского концепта *свадьба* положен признак ‘породнение, взятие себе мужа/жены’.

Актуальными при этом стали представления русских о тесной взаимосвязи молодоженов, чтобы мужчина и неведомая до сих пор женщина стали друг другу своими, чтобы, соединив однажды свои судьбы, пройти по жизни вместе, как будто в одной упряжке.

Этимология слов, описывающих тему *свадьбы*, уходит корнями в праславянскую эпоху, таким образом большинство брачных терминов в русском и серб-

* Рец. проф. П.В. Морослин (МСИ), доц. Н.В. Перфильева (РУДН).

ском языках — исконно славянские слова. Имя существительное русск. *свадьба* и серб. *свадба* (для сравнения с другими языками укр. *сва́дьба*, *сва́йба*, блр. *свадзьба*, др.-русск., русск.-цслав. *сватъба* (Изборн. Святосл. 1076 г.), болг. *сва́мба*, словен. *svađba*, чеш., слвц. *svadba*, польск. *swadźba*, н.-луж. *swajźba*, *swaźba*) в русском языке является общеславянским суффиксальным производным от *сватъ*; *д'б < тьб* в результате ассимилятивного регрессивного изменения *т* перед *б* в результате падения редуцированного *ь* в слабой позиции с сохранением дополнительной артикуляции согласного.

Происхождение слова *сват* связано с общеиндоевропейским местоимением **sua-* / **svo-*, от которого происходит славянское *свой*. Видимо, в основу этого слова заложена мысль о том, что после свадьбы молодая жена для мужа становится 'своим человеком', в русском языке людей, породнившихся через брак, называют *своями*, а *свекровь* — это буквально 'своя кровь'. С этим местоимением связан славянский корень **сѣтъ* со значением 'гость', например, в русском слове 'посетить', т.е. 'стать своим'. В сербском языке к этому корню восходит *сватови* 'сваты' или 'гости со стороны жениха'.

Слово *невеста* (русск) и *невејста* (серб) известно всем славянским языкам, от славянского **nevěsta*. Наиболее предпочтительной этимологией при существовании огромного материала (Н. Трубецкой, Я. Отрембский, Ф. Прусик, И. Зубатый, В. Ягич, А. Исаченко) является объяснение слова как преф. производного (отрицание *не-*) от утраченного **věsta* 'известная', суф. образования от той же (< **věda*; *dt > tt > ct*) основы, что и 'ведать, весть'. В таком случае *невеста* буквально — 'неизвестная, незнакомая'.

Это связано с древним обычаем: невесту приводили в дом сваты, родственники жениха раньше о ней ничего не знали, не ведали. Часто и сам жених до сватовства никогда не виделся с избранницей. Возможен и захват мужчинами себе жен как военной добычи.

Новые родственники следовали в традиции *обрядов молчания*, т.е. общались с невестой как с незнакомым человеком в первое время после свадьбы. «Младу не зову најчеће по имену већ — млада, невејста, сна'а, или пак по селу одакле је (Будимљанка, Винићанка). Сусједи је зову обично по братству из кога је родрм — Поповача, Бакићјуша... а понекад и по имену мужа — Љубовица, Бацковица...» [2. С. 94].

Невесту не называют в доме жениха по имени, и в этом обыкновении можно видеть одно из проявлений эвфемизма: стремление скрыть от злых духов приход девушки в другой дом.

Не подтверждено сближение *свадьба* с *веду*, *водитъ*, что подтверждено данными словообразования: никогда вторичные значения не порождают первичных.

Синоним слова *свадьба брак* в значении 'свадьба, семейная жизнь' легко этимологизируется на славянской почве, как суффиксальное производное (суф. *-к*) от глагола *брати* 'братъ' (ср. 'братъ замуж', 'братъ в жены'). Старославянское слово *брак* уже означало обряд 'взятия замуж', а потом и само замужество, т.е. супружество. Древнерусское *брак* — это и 'свадьба, пир и супружество'.

Этимология слов *женитьба* (русск.), *женых* (русск.), *младоженья* (серб.) вполне прозрачна — они восходят к тому же корню, что и слово *жена*. Слово это — общеиндоевропейское, оно имеет соответствия в древнеиндийском, авестийском, армянском, ирландском, готском и тохарских языках. *Жена* (ср. др.-прус. *genno* ‘женщина’, арм. *kin* — тж., греч. *gunē* и т. д.), того же корня, что и генетика, лат. *genus* ‘род’.

Первоначальное **gena* > *жена* после изменения *z* в *жс* перед гласным переднего ряда *e*.

Значение ‘жена’ вторично. Различение значений ‘жена’ и ‘женщина’ характерно лишь для меньшей части индоевропейских и славянских языков. Среди славянских языков такое различение характерно для русского, белорусского и польского, в то время как в других языках обоим значениям соответствует одно слово (например, чешское *žena*).

То же самое можно сказать и о словах *муж*, *мужчина*. Даже в близкородственном русскому украинском языке слово *жінка* обозначает одновременно жену и женщину, а слово *чоловік* — мужа и мужчину. *Муж* — общеславянское суффиксальное производное (суф. *-g-* и *-j-*) от той же основы, что нем. *Mann*, др.-инд. *táni-* ‘человек, муж’. Исходное **tangj-* > *муж* после изменения *an* > *o* > *y* и *gj* > *жс*. Первоначальное — ‘взрослый мужчина’ < ‘понимающий, ученый’.

Замуж является сращением предл.-пад. формы *за муж* (со старым вин. п. ед. ч., ср. *на конь*), еще в XVIII в. писалось раздельно. *Супруг* из старославянского языка производное (с перегласовкой) от *съпрушити* (1-е л. ед. ч. — *съпрягу*) ‘стянуть, соединить, запрячь’. Первоначальное *съпрузь* > *супругъ* под влиянием слов с приставкой *су-*. *супруг(а)* буквально — ‘в одной упряжке’.

Известно, что «*у всех народов, как малоразвитых, так и более культурных, брак считается настолько важным актом, что сопровождается какой-либо значительной церемонией*» [3. С. 185].

Среди ключевых событий жизни человека — *рождение, инициация, свадьба, смерть (погребение)* — именно *свадьба* оказывается значимее других обрядов и имеет наибольшую представленность на уровне лексики и фразеологии.

Рождение, как и свадьба, являясь конкретным событием, тем не менее не несет такого количества информации, ассоциаций, и, как следствие, фиксаций в языке, а смерть (погребение) табуирована из-за принадлежности к двум сферам человеческого восприятия — рациональной и иррациональной.

Несомненно, что основные составляющие свадебной коммуникации в русской и сербской лингвокультурах будут схожими, что обусловлено близким родством (южная и восточная линии славянской семьи) и общей верой (православие), однако на всех направлениях исследования отмечены специфические, только одному отдельному этносу присущие черты.

Подсчитано, что фразеологическая экспликация ключевых обрядовых концептов неравнозначна и выглядит следующим образом: концепт *рождение* — 6%, концепт *свадьба* — 44%, концепт *смерть/погребение* — 50% от общего числа репрезентантов (всего 930 фразеологических единиц) [4]. Для сербского языка подобные данные отсутствуют.

Обрядовый комплекс *свадьба* (соответственно лингвокультурологический концепт) в представлении разных направлений состоит из ряда блоков, или фреймов; при этом для сопоставления наиболее важны такие единицы: '*сватовство/просидба*'; '*смотрины/младе*'; '*сговор, рукобитье/мирба*'; '*девичник / девочко вече*'; '*мальчишник / момачко вече*'; '*обручение/веридба или прстен*'.

Аксиологический компонент исследований, в рамках которого проводилось анкетирование русских и сербских информантов (30 человек, возрастная категория 20—26 лет, равное представление по гендерному признаку), показал, что реакции русских и сербских респондентов не совпадают.

У русских информантов

от «Свадьба — это: *Большой семейный традиционный праздник; Праздник, когда два любящих человека становятся одной семьей*» до «Свадьба — это *большая пьянка*»;

у сербских информантов

от «Свадьба — это *Праздник родителей невесты и жениха, т.к. с тех пор как они поженились, у них было много проблем вследствие того, что старались воспитать своих детей, обеспечить им обучение и сделать их людьми, свадьбой своих детей они празднуют завершение своей миссии; Радостное событие, праздник любви* — до «Свадьба — это *Праздник, где много цветов и подарков, Неприятный день, полный кучей странных родственников, которые целуют друг друга, кушают и пьют, пока не напиваются*».

Первичное исследование подтверждает большое значение свадебного обряда у сербов. Так, в киноведческой литературе широко отмечен факт включения *свадьбы* (как на уровне второстепенного, не связанного с основными сюжетными линиями события, так и на уровне второстепенных персонажей *жениха* и *невесты*) в целый ряд фильмов югославских режиссеров о Сербии, начиная со Слободана Шияна «Кто там поет?» / *Ko to tamo peva?* (1980) до Эмира Кустурицы «Жизнь как чудо» («*Život je čudo*») (2004). Это же подтверждается тем, что и в настоящее время сербы практически никогда не женятся в дни постов, как прежде было и в России.

Обрядовая сторона свадебной коммуникации у русских и сербов также имеет ряд существенных различий.

На предметном уровне наиболее яркими отличиями сербской свадебной коммуникации являются такие:

— наличие у начинающего свадебный поезд *флага* и *вина* (блок *просидба*): «сватовская» колонна располагается следующим образом — первым идет *барьяктар* (сер. *barjaktar* 'тот, который несет барьяк, от турецкого *bayrak* 'флаг'), который несет флаг и буклию с вином;

— когда отец жениха входит в дом невесты, он берет с собой *буклию*, 'сосуд для ракии или вина, изготовленный из дерева', в которую наливает домашнее вино (блок *мирба*);

— на невесте также должны быть четыре *вещи* — новая, старая, синяя и чужая (символизируют новую, старую жизнь, духовное и от сглаза);

— выходя из церкви, невеста бросает букет *бидермайер* (нем. *Biedermeier*). Есть верование, что девушка, которая поймает букет, выйдет замуж следующей (у русских невест тоже есть этот обычай, интересно здесь только языковая составляющая — немецкое заимствованное слово).

На уровне *ритуальных действий* значимым отличием у сербов является обряд *стрельбы војводе из ружья в яблоко, которое ставится на высокое дерево*; пока яблоко не сойдет с дерева, жених не может войти в дом.

Сегодня *војводе* (традиционно это позицию дружки у сербов занимает зять или другой родственник мужского пола жениха) не играет значимой роли в сербской свадьбе, однако раньше, когда девушек похищали из дома (что является общеславянской чертой), именно *војвода* был основным действующим лицом.

Другим отличием оказывается традиция, согласно которой жених заходит в дом, чтобы «купить» невесту: невесту «купить» должен *жених*, а «продавать» ее будет родной *брат*. В русской традиции все переговоры, в том числе и традиционные «выкупы» за невесту, велись старшими родственниками жениха и *дружкой*, который являлся ключевой фигурой свадьбы, — он нес ответственность за все происходящее. Именно дружке доставались корильные песни, например:

Друженька нехорошенький!
Друженька непригоженький!
Как на дружке-то кафтан
Черт на мельницу таскал!..
Как на дружке-то штаны
После старой сатаны... и т.д.

Если сопоставить значимость *дружки* и *војводе*, то очевидно превосходство первого и устойчиво положительная оценка действий второго.

В русской свадебной традиции не найдено аналогии и тому, что *Отец невесты наливает чашу вина жениху, которую он должен выпить до конца, на дне чаши лежит дукат, чашу жених забирает с собой*.

В Сербии молодожены перед домом танцуют *коло* — ‘сербский обрядовый танец’, для русской свадебной коммуникации на этапе свадьбы коллективные обрядовые танцы не характерны; аналог танца *кола* — *хоровод* и подобные ему более современные модификации.

У сербов родители невесты благословляют ее, и она садится *вместе с женихом и его родителями* в машину; в русской традиции жених и невеста едут в разных машинах, невесту сопровождают подружки, с женихом едут друзья, а родители обычно остаются дома.

Интересным, но, видимо, заимствованным обрядом в Сербии является следующее традиционное действие: *молодая жена берет сито*, в котором находятся конфеты, которые она бросает на четыре стороны, а потом это же сито бросает на крышу дома (или на балкон, если дом двухэтажный или многоэтажный), чтобы «остаться в доме». В русской традиции схожий элемент прослеживается лишь в святочных гаданиях «на суженого» и «на судьбу» с выкидыванием валенка/рукавицы за порог.

Еще одним обращением на себя внимание обрядом, смыслом которого является пожелание новобрачной родить мальчика-наследника, является традиция *принесения к молодой жене ребенка* (обязательно сына) брата жениха (сер. *nakonĉe*), которого невеста три раза поднимает и целует, а потом дарит ему одежду.

Следом древнейших славянских сакральных традиций, связанных с вводом в дом молодой жены, является обряд, при котором *свекровь завязывает на молодой жене фартук*, это символ приобщения к новому для новобрачной хозяйству и след поверий, что граница девичьего и женского (иногда до, иногда сразу после рождения первого ребенка) — благодатное время, сравнимое с начальным периодом основных календарно-земледельческих обрядов общины, поэтому семья поручает молодой жене «благословлять» домашнюю скотину весной, при первом выго-не его на пастбище, «благословлять» первую борозду при пахоте и т.д.

На праздновании сербской свадьбы *первый танец должен быть танцем невесты и ее отца, который потом передает молодую жену мужу*, традиция сопоставима с вводом в церковь невесты ее отцом у европейских народов.

Большую роль в сербской культуре играет *крестный отец*, который является главным гостем на свадьбе и сидит рядом с женихом и невестой. Во время церемонии крестный отец дает кольца молодоженам, после венчания молодоженов сначала поздравляет священник, затем крестный отец, а потом остальные *сватови* ‘гости со стороны жениха’. На выходе из церкви крестный отец бросает мелочь на счастье новобрачных. У сербов есть поговорка «на первом месте Бог, а затем — крестный отец».

Важным отличием сербской свадебной коммуникации является традиция празднования первого после свадьбы 22-ого марта Дня молодоженов (сер. *mladenci*). Этот день празднуется в память сорока Севастийских мучеников, которые пострадали в 320 г. от действий императора Ликиния в Каппадокии.

Связь с молодоженами условна: Севастийские мученики — молодые парни, как молодожены и их гости, которые приходят в дом с пожеланиями долгой совместной жизни. Невестка готовит сладости, которыми традиционно угощают в эти дни (сер. *mladenĉići*). Этот день всегда постный (т.к. всегда приходится на время Великого поста), в русской традиции празднование Дня памяти сорока Севастийских мучеников предусматривает выпечку булочек-«жаворонков», но не связан со свадебной коммуникацией.

Проведенный анализ показывает, что при наличии целого ряда ярких отличий в результатах деятельностного, аксиологического и символического рассмотрения сферы свадебной коммуникации русских и сербов у двух славянских этносов наблюдается значительное сходство в ее лингвокультурном представлении, а на лексическом уровне значительное количество общих этимологий.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Кубрякова Е.С. Язык и знание. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
- [2] Трубочев О.Н. История славянских терминов родства. — М.: ИАН СССР, 1959.
- [3] Нидерле Л. Славянские древности. — М.: ИИЛ, 1956.
- [4] Колкова Н.А. Русские обрядовые концепты во фразеологическом представлении. — Челябинск, 2011.

THE CONCEPT OF WEDDING IN RUSSIAN AND SERBIAN

N.V. Novospasskaya, Milina Nicolich

The Department of General and Russian Linguistics

Philological Faculty

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklay Str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article deals with a comparative study in the field of marriage communication in Russian and Serbian lingua-cultures in axiological, symbolic, organizational and pragmatic aspects.

The main constituents of marriage communication in Russian and Serbian lingua-cultures reveal similarities, which are due to close relationship and common religion, still, each single research aspect contains specific features.

Key words: concept, lingua-cultures aspect, axiological aspect, ceremony.